

Вредный пример Богословского

Только что выпущенная издательством ОЛМА-ПРЕСС книга «Что было и чего не было и кое-что еще...» — восьмое прозаическое произведение Н. В. Богословского. На презентации в Доме дружбы Никита Владимирович сказал, что композиторы обычно с трепетом и опаской берутся за сочинение девятой симфонии. И попросил у публики благословения на девятую книжку. Публика благословила.

Юрий КАЗАРИН

К стати, «Вечерка» уже публикует по четвергам фрагменты этой новой книжки знаменитого нашего композитора. Впрочем, Богословский мог бы поступить, как Андрей Кнышев, который в предисловии к очередному своему творению написал: «Это моя третья книжка — я ору, я решил не писать».

Что же это такое — восьмая книжка Н. В. Богословского? Вообще не собрание хохм (в лучшем смысле этого слова) — это своеобразное путешествие по прожитым годам, воспоминания о людях, с которыми свела судьба, раздумья о жизни.

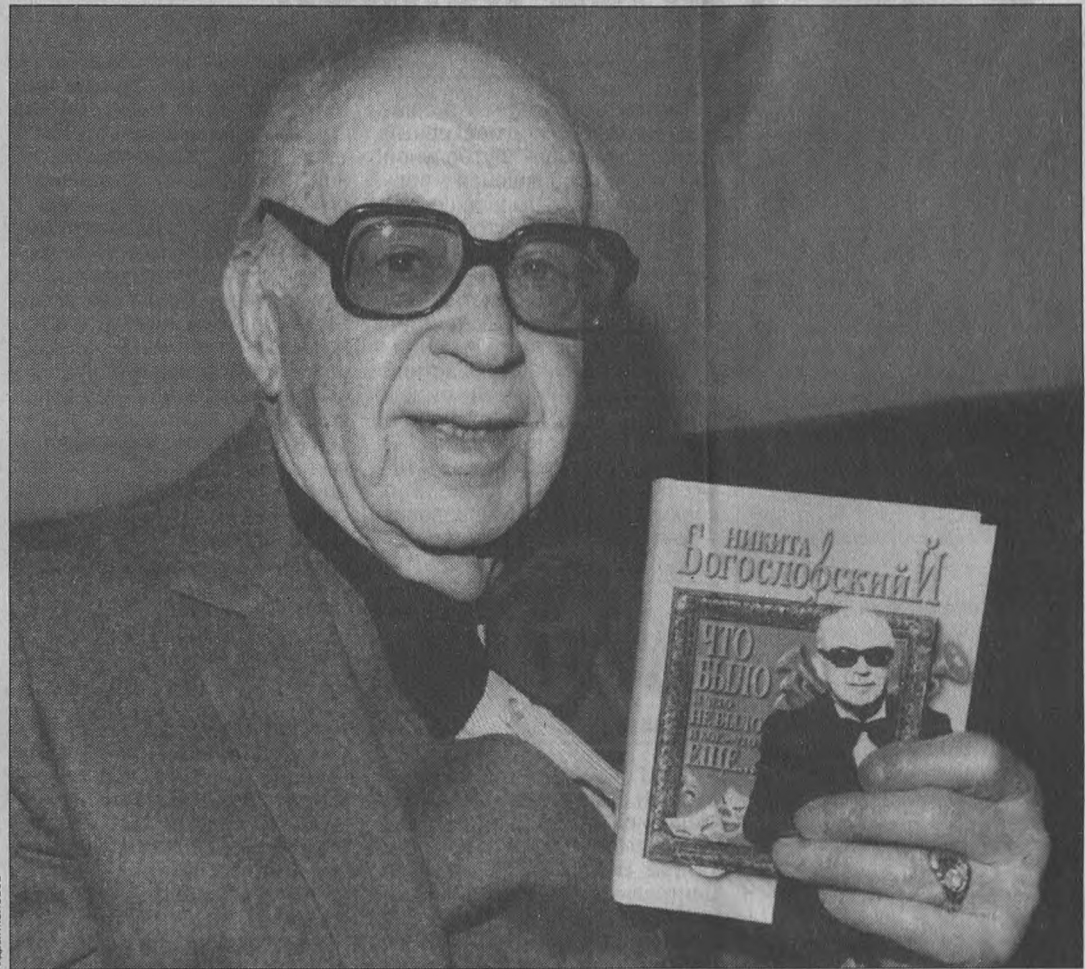
Многое из того, что вошло в книгу, я слышал от самого Никиты Владимировича (он прекрасный рассказчик), многое он присылал в «Вечернюю Москву», и все было опубликовано (Богословский, к тому же, еще с 30-х годов приличный читатель и суровый критик «ВМ» — чуть ли не каждое утро звонит и отмечает неудачные публикации или редакторские просчеты, и так — на протяжении десятилетий, и мы, и многим моим предшественникам). Несмотря на это, читается книжка на одном дыхании.

Живо представляешь первую встречу юного Никиты с великим Александром Константиновичем Глазуновым, и мы, и многим моим предшественникам). Несмотря на это, читается книжка на одном дыхании.

Ярко выписан кинорежиссер Леонид Луков, для фильмов которого были написаны «Спят курганы темные», «Шаланды», «Темная ночь»... На творческом вечере Н. В. Богословского, посвященном его 85-летию, когда три с лишним часа звучала лишь небольшая часть написанных им песен, кто-то заметил, что будь только эти три — автор навсегда бы вошел в историю советской песни.

А знаете ли вы, как родились «Шаланды». На том, что нужна именно такая песня, настоял Л. Луков, когда снимались теперь уже легендарные «Два бойца». «В помощь мне, — пишет Богословский, — студия дала объявление: «Гражданам, знающим одесские песни, просьба явиться на студию в такой-то день к такому-то часу». И тут началось паломничество. Толпой повалили одесситы, патриоты своего города, от седовласых профессоров до людей, вызывающих удивление, — почему они до сих пор на свободе? И все наперебой, взахлеб напевали всевозможные одесские мотивы. И я потом на основе характерных интонаций и оборотов этих бесхитростных мелодий написал свои «Шаланды», за которые, как я и предполагал, хлебнул впоследствии немало горя».

Мне нравится, как сегодня Никита Владимирович пишет о своих злоключениях — с юмором, с каким-то, якобы, непониманием («за что?»). Все он понимал, но сознательно шел на на-

Н. В. Богословский на презентации своей книги

рушения высосанных из пальца канонов, всевозможных «табу». Музыка вела, интуиция подсказывала: так надо.

Это сегодня Богословский — признанный мэтр, классик. Но ведь надо было до всего этого дожить (помните, тоже классическое: «поэт в России должен жить долго...»?). А то ведь — резкая оценка в постановлении ЦК (те-

перь этим можно гордиться, как орденом). И все высокие звания, самые высокие ордена и лауреатства достаются другим, хотя уже, как говорили, «вся страна» пела песни Богословского. Одно утешение, но какое! — не его одного так «воспитывала» наша коммунистическая партия: у него была очень хорошая, просто завидная компания.

Сейчас Никита Владимирович в своей книге безжалостно (для авторов — свой приговор уже вынесло время) цитирует давние публикации: «Песенка Дженни» (музыка Н. Богословского, текст Лебедева-Кумача) из фильма «Остров сокровищ» претендует на мелодичность и доходчивость, но имеет весьма малополитенную родительницу блатную

песню...» (журнал «Искусство и жизнь», 1938 год — Богословскому всего 25 лет). «...Мелодия основной песни фильма («Спят курганы темные». — Н. Б.) — композитор Богословский — явно несамостоятельна и напоминает известную шансонетку Вертинского» («Вечерняя Москва» 1940 год — напомним: это известный прием, которым можно опорочить почти любую музыку, к тому же Вертинский был тогда эмигрантом, «врагом Советской власти»). «Песни Н. Богословского «Любимый город» и «Ты ждешь, Лизавета» отклонить ввиду низкого художественного уровня музыки» (из протокола редакции массовой песни одного издательства. 1942 год). И еще много-много цитат — о безыдейности песен, проникнутости кабацкой меланхолией и чуждости советским людям, бесцветности музыки, пошлости и идеологической вредности. А авторами таких оценок зачастую были коллеги-композиторы, тоже известные, тоже знаменитые. Сейчас даже трудно понять, с какой это стати они тогда писали, скажем, о «вредном примере Богословского».

Алексей Толстой, Сергей Лемешев, Евгений Петров, Евгений Долматовский, Михаил Зощенко, Марк Бернес, Сергей Эйзенштейн... — кто только ни был в знакомцах и друзьях Н. Богословского. А наши знания о них дополнят совсем нестандартные строки, необычные эпизоды, о которых рассказано в «Что было...».

Вообще Н. Богословский не был бы Н. Богословским, если бы не запомнил и не озвучил такие, к примеру, эпизоды:

«М. М. Зощенко на встрече с украинскими писателями поцеловался с тамошним литератором-сатириком В. Ему сказали: — Михаил Михайлович, зачем вы с этим дураком целуетесь? Зощенко грустно ответил: — Вообще жизнь не удалась».

Когда ТАКОЕ расписано чуть ли не через страницу, ясно: книга удалась. А книга — это немалая часть жизни, которая тоже...